

К 14-летию со дня смерти Е. Б. Вахтангова

История „Турандот“

В кабинете Вахтангова

Вахтангов в год окончания им Владикавказской гимназии (1903 г.). Неопубликованная фотография

Завтра, 30 мая, на гастрольях Театра им. Евг. Вахтангова в Ленинграде состоится 886-й спектакль «Принцессы Турандот». Современному зрителю, отделенному от дня премьеры (1922 г.) четырнадцатью годами, трудно понять то огромное значение, которое имела в свое время эта последняя работа Вахтангова. Сейчас «Принцессы Турандот» посетителям театра может показаться всего лишь забавным, красивым пустячком. Однако в истории советского театра «Принцессы Турандот» явилась большим событием. В этом спектакле Вахтангов выступил против серого натуралистического искусства, в этом спектакле он хотел утвердить праздничную театральность.

Театральность «Турандот» не была самоцелью. Вахтангов всегда подчеркивал связь искусства с живой действительностью. Сохранившиеся эскизы художника И. И. Нивинского показывают, как Вахтангов, разрабатывая вместе с ним внешнее оформление спектакля, добивался все большего приближения к современности. Среди неосуществленных вариантов есть и обычная, слегка стилизованная китайщина и заимствования из итальянской комедии масок, и «отвлеченный от всех существующих стилей декораций и костюмов» (говоря словами самого Вахтангова о его постановке «Эрика XIV»).

Все это было отвергнуто, и затем появился последний вариант костюмов.

Вахтангов хотел, чтобы зритель не уходил на спектакле в другую, изображаемую на сцене жизнь, а все время помнил и об окружающей его действительности, и о том, что он находится в театре, и о том, что перед ним играют актеры. Отсюда возник «парад актеров», на который все исполнители спектакля выходят в своих обычных костюмах и представляются публике, а затем на глазах у зрителей надевают свои театраль-

ные одежды. Интересно отметить, что первоначально Вахтангов хотел одеть актеров во френчи, т. е. наиболее распространенные костюмы того времени. Затем Вахтангов отказывается от этого плана. «Принцессы Турандот» создавалась в годы разрухи и голода, когда только кончалась гражданская война, и Вахтангов задумал создать парадный и праздничный спектакль, ибо он знал, что победившей Октябрьской революции нужно жизнерадостное и жизнеутверждающее искусство.

Интересен неосуществленный вариант оформления сценической площадки. В одном из своих замыслов Вахтангов предполагал, что зритель должен видеть через окно на сцене московскую улицу эпохи военного коммунизма. Сохранился эскиз художника Нивинского, изображающий полуразрушенный барский особняк, с пошатнувшейся колонной, со сломанной лестницей, с обнажившимися балками потолка. Это дает яркое ощущение разрухи тех лет, напоминает об унаследованных от буржуазии дворцах и о том особняке Берга на Арбате, в который переехала 3-я студия МХАТ в 1920 г. На такой площадке должны были расставляться декорации и происходить действие. Эта площадка оказалась слишком громоздкой и неудобной для игры. Она была значительно упрощена и изменена, но следы первоначального варианта остались, — мы чувствуем их в кривизне и сломанности линий, в покаты, как бы падающей плоскости стен.

Но значение «Принцессы Турандот» не ограничивается одной «театральностью». Борьба с натурализмом велась не только внешне, но и по линии идейной. Автор постановки «Принцессы Турандот» не только отрицал натуралистическую форму, но утверждал в спектакле свое ясно выраженное отношение к событиям и персонажам пьесы.

В данном случае Вахтангов говорил об ироническом отношении к событиям и переживаниям героев сказки. Но вахтанговское «отношение» — это не только ирония «Турандот», — это едкая сатирическая насмешка над буржуазией в «Чуде св. Антония», это продолжение предыдущих вахтанговских постановок.

Вахтангов призывал художника открыто показывать свое отношение к тому, что он изображает на сцене и средствами искусства доказывать зрителю непреложность своих взглядов. Вахтангов видел в искусстве активную силу и призывал к смелому использованию этой силы.

Л. ВЕНДРОВСКАЯ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ ПЕРЕПИСКИ

Письмо Вахтангова В. И. Немировичу-Данченко

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Чувство долга подсказывает мне, что я должен известить Вас, что мне делали операцию, что она прошла хорошо, что я постепенно поправляюсь, что меня выпустят не раньше, как через 21 день. Оперировал хирург Гар, помогал ему хирург Холин. Санатория, где я нахожусь, — учреждение советское, и попал я сюда благодаря друзьям. В Москве нельзя было получить того, что есть здесь. И тепло, и пища, и все, что необходимо для операции, мне было предоставлено любовно, внимательно и просто. Ведь дела мои, откровенно говоря, были плохи: вскрытие показало, что у меня большая, застарелая язва и что врачи, отклонившие операцию, ошиблись. Чувствую себя спасенным, много пережившим за эти дни, чувствую большую благодарность к людям и любовь.

Когда оглядываюсь назад, вижу, как много я делал такого, чего не надо было делать, и что жизнь моя на земле была бы пустой, если бы я не попал в Художественный театр. Здесь я на-

В первом этаже большого шестиэтажного дома на улице Веснина на дверях одной из квартир первого этажа недавно прибита медная досочка:

Филиал
музея Государственного
театра им. Евг. Вахтангова

В этой квартире, которую Московский совет в 1922 г. закрепил за театром, жил и работал Е. Б. Вахтангов.

Комната Вахтангова поддерживает в том виде, какой она имела 14 лет назад. Прибавились только витрина с рукописями Евгения Багратионовича да ряд новых фотографий, показывающих Вахтангова в отдельные периоды его жизни. И то и другое помогает посетителям комнаты музея лучше разобраться в жизненной и творческой биографии великого режиссера.

Вот он — очаровательный шестилетний мальчик. Рядом он — семиклассник Владикавказской гимназии, член ученического кружка «Арзамас» и редактор рукописной газеты «Эос». Сохранились отдельные номера этой школьной газеты, выходившей в 1901 г., где Вахтангов писал под псевдонимом «Синус». Ряд вырезок из владикавказской газеты «Тарек» за 1907 г. характеризуют Вахтангова как журналиста — автора театральных рецензий и очерков.

К 1910 г. относятся наиболее ранние из выставленных дневников и записных тетрадок Вахтангова: он учился тогда в театральной школе А. И. Адашева.

В январе 1911 г. Вахтангов — в Париже. В записной книжке он отмечает посещение лекции Ленина о Толстом. Через месяц — возвращение в Москву. В дневнике — запись первого разговора с В. И. Немировичем-Данченко. Дальше — работа в Художественном театре: заметки о режиссерской трактовке «Синей птицы», «Гамлета» (в постановке Гордона Крега) и др. На шкапу — скрипка и любимая Вахтанговым мандолина.

Большая серия эскизов говорит о творческой работе Вахтангова в первые годы революции. Режиссерский экземпляр «Эрика XIV» показывает, что первые сцены этого памятного театра спектакля внесены в пьесе Стриндберга режиссером. Рядом — документы, говорящие о задуманных и неосуществленных работах Вахтангова. Любопытны материалы, связанные с намечавшейся в 3-й студии постановкой «Гамлета», режиссерский экземпляр «Гамлета» с

«Сверчок на печи» в I студии МХТ. Вахтангов в роли Текляна (1914 г.)

купюрами Вахтангова и написанное его рукой распределение ролей.

На письменном столе — ряд книг на древнееврейском языке, который Вахтангов изучал перед постановкой «Гаддибука». На стене около стола портреты, подаренные Вахтангову крупнейшими театральными деятелями. Портрет В. И. Немировича-Данченко с восторженной надписью после премьеры «Принцессы Турандот». И еще более восторженное приветствие К. С. Станиславского: «Дорогому другу, любимому ученику, единственному преемнику, будущему руководителю русского театра». Здесь же — маска, снятая с Вахтангова при его жизни.

Комната Е. Б. Вахтангова посещается работниками театра всего мира. Об этом свидетельствует книга посетителей, где перемешаются записи на всех языках Западной и Восточной Европы, Азии и Америки. Здесь же — маска, снятая с Вахтангова при его жизни.

Учился всему, что знаю, здесь я постепенно очищаюсь, здесь я получаю смысл своих дней. Вы приняли меня в театр, Владимир Иванович. Вам первому обязан тем, что имею, и не могу не сказать Вам, какую тайную и большую благодарность чувствую к Вам. Я никогда не говорил Вам о том, как жадно я поглощаю каждое Ваше слово, об искусстве актера в частности. Вы и не знаете, как пылливо я ишу у Вас ответа на многие вопросы театра и всегда нахожу.

Первая беседа о «Росмерсхольме» зарядила меня на все время работы, а когда Вы принимали работу, мне открылось многое. Душа, нерв и мысль, качество темперамента, «секунды», ради которых все остальное, четкость кусков, подтекст, темперамент и психология автора, отыскивание mise-en-scene, режиссерское построение кусков различной насыщенности и многое еще, значительное и прекрасное, изумительное по простоте и ясности, стало таким знакомым и наполнило меня радостной убедитель-

ностью. У меня не будет другого случая сказать Вам все слова благодарности, какие есть у меня, и может быть, пройдет много лет в тихой и скромной работе, никому не заметной, прежде чем жизнь пошлет мне случай реально пообщения с Вами. Поэтому я и тороплюсь хоть как-нибудь высказать Вам своими маленькими словами сказать о своей восторженности, вере, благодарности и любви, настоящей человеческой любви.

С глубоким к Вам уважением и почтительностью Е. Вахтангов.
17 января 1919 года